

Сентябрь 2003 года

Элис сидела за своим столом в спальне, а на первом этаже метался из комнаты в комнату Джон, и его беготня не давала ей сосредоточиться. Прежде чем улететь, Элис должна была закончить экспертную оценку статьи для «Джорнал оф когнитив сайколеджи». Она только что в третий раз прочитала предложение, но так и не поняла его смысла. Будильник — Элис знала, что он спешит минут на десять, — показывал 7:30. Судя по тому, сколько было времени, и по усиливающемуся шуму на первом этаже, Джону пора уходить, но он не может вспомнить, куда положил какую-то вещь, и до сих пор ее не нашел. Глядя на цифры на будильнике, Элис постукивала красным карандашом по нижней губе и готовилась услышать неизбежное.

— Эли!

Она бросила карандаш на стол и вздохнула. Спустившись вниз, Элис обнаружила мужа в гости-

ной, он стоял на коленях возле дивана и шарил под подушками.

— Ключи? — спросила она.

— Очки. Только, пожалуйста, не читай мне нотаций, я опаздываю.

Элис проследила за его взглядом до каминной полки, где хваленые антикварные часы «Уолтем» показывали 8:00. Когда-то она искренне верила тому, что они показывают, но со временем стала полагаться только на те часы, что носила на руке. Как и следовало ожидать, в кухне она вернулась назад во времени, так как часы на микроволновке настаивали, что еще только 6:52.

Элис окинула взглядом гладкую, ничем не заставленную гранитную столешницу — там, рядом с вазой, заваленной нераспечатанными письмами, они и лежали. Ничем не прикрытые, прямо на виду. Как он мог, такой умный, такой образованный, не заметить то, что лежит у него под носом?

Конечно, у многих ее вещей тоже была дурная привычка прятаться от хозяйки в самых странных местах. Но Элис не признавалась в этом мужу и никогда не привлекала его к поискам. Буквально на днях Джону повезло: он не знал, что она все утро судорожно искала сначала дома, а потом в офисе зарядное устройство от своего наладонника «блэк-берри». В конце концов она сдалась, пошла в магазин и купила новую зарядку, а потом обнаружила, что «потерянная» торчит в розетке возле кровати,

то есть там, где ее и следовало искать в первую очередь. Наверное, такие случаи можно было объяснить тем, что они оба привыкли делать сразу несколько дел, будучи очень занятыми людьми. И с годами не становились моложе.

Джон стоял в дверях и смотрел не на Элис, а на свои очки, которые она держала в руке.

— В следующий раз, когда будешь искать, попробуй притвориться женщиной, — посоветовала Элис.

— Надену какую-нибудь из твоих юбок. Эли, пожалуйста, я действительно опаздываю.

— Микроволновка утверждает, что у тебя еще куча времени, — заметила Элис, передавая ему очки.

— Спасибо.

Джон схватил их, как эстафетную палочку, и устремился к парадной двери.

Элис пошла следом.

— Ты будешь дома в субботу, когда я вернусь? — спросила она его спину, удаляющуюся по коридору.

— Не знаю, в субботу в лаборатории работы будет по горло.

Он торопливо собирал со стола в прихожей портфель, телефон и ключи.

— Удачно тебе съездить. Поцелуй за меня Лидию и постарайся с ней не ссориться.

Элис мельком увидела их отражение в зеркале: высокий, хорошо сложенный мужчина, шатен с проседью, в очках; миниатюрная женщина с вьющимися волосами, скрестившая руки на груди. Оба готовы броситься, как в омут, в привычную перепалку. Элис скрипнула зубами и решила воздержаться от прыжка.

— В последнее время мы почти не видимся. Пожалуйста, постарайся быть дома, когда я приеду, хорошо? — попросила она.

— Да, знаю, я постараюсь.

Он поцеловал ее и, несмотря на то что уже очень спешил, на какой-то едва уловимый миг продлил поцелуй. Если бы Элис не знала его так хорошо, она могла бы добавить романтики моменту. Замереть на пороге и представить, что этим поцелуем он хотел сказать: «Люблю тебя и буду скучать».

Но, наблюдая, как торопливо он идет по улице, удаляясь от дома, она прекрасно понимала, что он только что сказал: «Я тебя люблю, но, пожалуйста, не психуй, если в субботу не застанешь меня дома».

Раньше каждое утро они шли до парка Гарвард-Ярда вместе. Работать в одной миле от дома и в одном университете с мужем — уже счастье, но больше всего Элис ценила эту дорогу на работу. Они всегда делали остановку в кафе «У Джерри» — черный кофе для Джона, чай с лимоном (холодный или

горячий в зависимости от времени года) для нее — и шли дальше к Гарвард-Ярду. Разговаривали о том, над чем сейчас работают, о группах, факультетах, студентах и строили планы на вечер. Первое время, когда Элис и Джон только поженились, они даже держались за руки. Она наслаждалась этой близостью во время каждой утренней прогулки. Но после целого дня напряженной работы, когда ради заветной цели приходилось решать множество повседневных задач, они становились измотанными и раздраженными.

Правда, с недавних пор Джон и Элис стали уходить на работу в Гарвард каждый сам по себе. Все лето Элис провела на чемоданах из-за конференций по психологии в Риме, Нью-Орлеане, Майами и необходимости присутствовать на защите диссертаций в Принстоне. Прошлой весной клеточные культуры, которыми занимался Джон, каждое утро требовали «прополаскивания». Он не мог доверить эту процедуру ни одному из студентов, поэтому делал все сам. Элис не могла припомнить, как и почему случилось, что они почти перестали видеться, но всякий раз причины казались ей очевидными, и ее не пугало то, что находились они постоянно.

Элис вернулась к работе над статьей. Она по-прежнему не могла сосредоточиться, на этот раз из-за несостоявшейся схватки с Джоном по поводу их младшей дочери Лидии. Неужели хоть раз

встать на ее сторону для него смерти подобно? Конец статьи, несмотря на ее обычное стремление к совершенству, Элис проработала довольно небрежно. Но из-за нехватки времени и невозможности сосредоточиться иначе и быть не могло. Элис заклеила конверт, куда вложила свои комментарии и поправки, испытывая при этом угрызения совести: она вполне могла пропустить ошибку в построении статьи или неправильно употребленный термин. Это все Джон, он помешал ей работать.

Потом она заново упаковала чемодан, который и не был толком распакован после последней поездки. В ближайшие месяцы Элис рассчитывала реже уезжать из дома. В ее расписании на осенний семестр было всего несколько приглашений приехать с лекциями, и почти все она запланировала на пятницу, свободный от преподавания день. Пятница как раз завтра. В качестве приглашенного преподавателя она начнет вести коллоквиумы по когнитивной психологии в Стэнфорде. А потом повидается с Лидией. И постарается с ней не поссориться, впрочем, это трудно обещать.

Стэнфордский Кордура-Холл Элис нашла быстро: он находится на углу Кампус-драйв и Панама-драйв. Для Элис, которая привыкла к пейзажам Восточного побережья, это здание с белыми оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей, сочная зелень вокруг ассоциировались скорее

с курортом на Карибах, чем с университетскими корпусами. Приехала она довольно рано, но, прикинув, что еще успеет посидеть в пустой аудитории и просмотреть подготовленную речь, поспешила войти в здание.

Элис ждал сюрприз — она оказалась в гуще людей, столпившихся у буфета и набрасывающихся на еду, как чайки на городском пляже. Элис не успела незаметно проскользнуть в аудиторию — прямо перед ней возник Джош, бывший ее однокурсник по Гарварду, самовлюбленный осел. Он стоял на пути Элис, словно приготовившись к схватке.

— Это все в мою честь? — игриво поинтересовалась она.

— Да нет, у нас такое каждый день. Сегодня — в честь одного из преподавателей, его вчера зачислили в штат. Ну а тебя Гарвард балует?

— Более или менее.

— Не могу поверить, что после стольких лет ты все еще там работаешь. Когда тебе там наконец надоест, перебирайся к нам.

— Как надумаю, дам знать. А у тебя как дела?

— Лучше не бывает. Загляни после лекции в мой офис. Оценишь результаты наших последних исследований. У тебя голова закружится.

Элис очень обрадовалась, что у нее есть уважительная причина для отказа.

— Извини, но не смогу, должна успеть на рейс в Лос-Анджелес, — сказала она.

— Очень жаль. В последний раз мы, кажется, виделись на конференции по психоэкономике. К несчастью, я тогда пропустил твою презентацию.

— Что ж, сегодня у тебя будет возможность услышать часть из нее.

— Ха! Прокручиваешь по второму разу?

Элис не успела ответить, ее выручил Гордон Миллер, заведующий кафедрой и новое светило по совместительству: он неожиданно налетел на них и попросил Джоша помочь разнести шампанское. Как и в Гарварде, на кафедре психологии в Стэнфорде существовала традиция поднимать бокал шампанского в честь преподавателя, который достиг желанной ступени в своей карьере и получил бессрочный контракт. Обычно об очередном продвижении профессора по карьерной лестнице не слишком трубят, но бессрочный контракт того стоит.

Когда в зале не осталось ни одного человека без бокала с шампанским, Гордон поднялся на кафедру и постучал по микрофону.

— Могу я попросить минуту вашего внимания? — спросил он.

В притихшей аудитории, прежде чем Гордон продолжил, раздался слишком громкий отрывистый смех Джоша.

— Сегодня мы поздравляем Марка с получением постоянной должности. Уверен, сейчас он глубоко взволнован. Этот бокал я поднимаю за достижения, которые ждут его впереди. За Марка!

— За Марка!

Элис чокнулась с теми, кто был рядом, и в ту же минуту все вернулись к своим прежним занятиям — еде, алкоголю и разговорам. Когда с подносов смели последние закуски и опустошили последнюю бутылку, Гордон снова взял слово.

— Если все сядут, мы сможем начать.

Он подождал, пока около восьмидесяти человек сели и воцарилась тишина.

— Сегодня я имею честь представить вам нашего первого приглашенного лектора в этом году. Доктор Элис Хауленд — ведущий профессор психологии Гарвардского университета, представляющий школу Уильяма Джеймса. За свою более чем двадцатипятилетнюю безупречную карьеру она генерировала множество передовых идей в психолингвистике. Доктор Элис Хауленд является первооткрывателем в интегрированных и междисциплинарных подходах к изучению механизмов языка. Сегодня нам посчастливится услышать ее лекцию о смысловой и нервной организации языка.

Элис заняла место Гордона и оглядела аудиторию, которая, в свою очередь, разглядывала ее. Ожидая, пока стихнут аплодисменты, она вспомнила статистические данные, согласно которым люди боятся публичных выступлений больше смерти. А она любила выступать перед аудиторией. Ей доставляли радость контакт со слушателями в процессе обучения, изложение материала, возможность

увлечь аудиторию, втянуть в дискуссию. И еще она любила ощущать выброс адреналина. Чем выше были ставки, чем искушеннее или враждебнее оказывалась аудитория, тем больше Элис волновал подобный опыт. Джон был превосходным преподавателем, но выступления перед аудиторией были для него скорее мучением. Он восхищался тем энтузиазмом, который испытывала Элис, готовясь к лекциям. Конечно, публичных выступлений он боялся меньше, чем смерти, но больше, чем пауков или змей.

— Благодарю, Гордон. Сегодня я собираюсь поговорить о ментальных процессах, которые лежат в основе овладения языком, его организации и использования.

Элис прочитала бесконечное количество лекций на эту тему, однако не стала бы называть это «прокруткой по второму разу». В основе лекции лежали лингвистические принципы, многие открыла она сама и годами пользовалась одним и тем же набором слайдов, но не стыдилась этого и не считала, что ее можно упрекнуть в лени, наоборот, гордилась тем, что ее открытия выдержали испытание временем. Лекции и статьи Элис давали импульс дальнейшим исследованиям. К тому же она сама принимала в них участие.

Элис не нужно было заглядывать в свои записи, она говорила легко и свободно. И вдруг, где-то

между сороковой и сорок пятой минутой лекции, вдруг забуксовала.

— Эти данные показывают, что неправильные глаголы требуют доступа к ментальному...

Она просто не могла найти нужное слово. Смысл того, что надо сказать, Элис не потеряла, но слово от нее ускользнуло. Она не знала, с какой буквы оно начинается и сколько в нем слогов. Это слово не вертелось у нее на языке.

Может, все дело в шампанском. Обычно Элис никогда не употребляла алкоголь перед выступлением. Даже если лекция проходила в самой неприужденной обстановке и Элис знала назубок то, о чем собиралась говорить, она предпочитала сохранять ясность ума, прежде всего для успешного окончания лекции. В конце ее выступления могла возникнуть дискуссия, и Элис всегда была готова ответить на вопросы. Но в этот раз она не хотела никого обидеть, а схлестнувшись с Джошем, выпила чуть больше, чем следовало.

А может, это было следствием перелета. Пока ее разум отыскивал в собственных закоулках нужное слово и докапывался до причины его потери, сердце Элис билось все глуше, кровь прилила к лицу. Прежде она никогда не сбивалась на публике. Но и не паниковала во время лекции, а ведь ей приходилось выступать и перед более многочисленной и агрессивно настроенной аудиторией, чем эта.

Элис приказала себе дышать ровно, забыть обо всем и двигаться дальше.

Она подставила вместо потерянного слова неопределенное и неуместное «вещь» и перешла к следующему слайду. Возникшая пауза показалась ей вечностью, но, бросив взгляд на слушателей, она не заметила ни одного встревоженного или раздраженного лица. Потом она увидела Джоша, он перешептывался с сидящей рядом женщиной, и по его лицу блуждала улыбка.

Самолет шел на посадку в международном аэропорту Лос-Анджелеса, когда нужное слово наконец вернулось.

Лексикон.

Лидия жила в Лос-Анджелесе уже три года. Если бы она сразу после окончания старшей школы пошла в колледж, то этой весной уже получила бы диплом. И тогда Элис очень бы ею гордилась. Лидия, как казалось Элис, была умнее двух ее старших детей, а оба они поступили в колледж. Один в юридический, второй в медицинский.

Вместо этого Лидия предпочла отправиться в Европу. Элис надеялась, что дочь вернется домой, определившись, чем хочет заниматься и в каком колледже получать знания. Но Лидия не оправдала ее надежд. Вернувшись, она сообщила родителям,

что влюбилась, пока жила в Дублине и училась актерскому ремеслу. И сразу же отправилась в Лос-Анджелес.

Элис чуть с ума не сошла. Особенно невыносимо было то, что она внесла свой вклад в то, что произошло. Дело в том, что Лидия была младшей из трех детей, родители которых работали и постоянно были в разъездах. Она всегда хорошо училась, и Элис с Джоном уделяли ей не так уж много внимания и мало в чем ограничивали. Лидия, в отличие от большинства детей ее возраста, могла сама принимать решения, никто не подвергал ее тотальному контролю. Карьера родителей служила блестящим примером того, что можно достичь многого, если ставить перед собой высокие цели и делать все возможное для их достижения. Лидия понимала, что мама права, когда говорит, как важно закончить колледж, но у нее хватило силы воли и смелости отказаться от этой идеи.

К тому же Лидия была не одинока. Самый горячий спор между Элис и Джоном состоялся после того, как он опустил свои два цента в копилку Лидии.

— Я считаю, что ничего плохого в этом нет. К тому же она всегда сможет поступить в колледж, если, конечно, захочет.

Это прозвучало примерно так.

Элис уточнила адрес в своем «блэкберри» и позвонила в квартиру номер семь, подождала, при-

готовилась еще раз нажать на кнопку звонка, и тут Лидия открыла дверь.

— Мам, я не ждала тебя так рано, — сказала она.

Элис сверилась с часами.

— Я прибыла минута в минуту.

— Ты говорила, самолет прилетает в восемь.

— Я говорила — в пять.

— У меня в ежедневнике записано: восемь.

— Лидия, сейчас пять сорок пять, и я здесь, стою перед тобой.

Лидия заметалась, как белка на шоссе.

— Извини, входи.

Перед тем как обняться, они помедлили, словно разучивали новый танец и еще не были уверены, каким должен быть первый шаг и кто поведет. Или, наоборот, они так давно не исполняли этот танец, что забыли, как это делается.

Элис почувствовала под блузкой Лидии ребра и позвоночник, дочь сильно похудела и весила футов на десять меньше, чем тогда, когда они виделись в последний раз. Элис хотелось верить, что это результат активного образа жизни, а не сознательного недоедания. Блондинка пять футов и шесть дюймов ростом, на три дюйма выше Элис, Лидия выделялась среди невысоких женщин итальянского и азиатского типа, которых в Кембридже было большинство, но на кастингах в Лос-Анджелесе таких, как она, наверняка пруд пруди.

— Я заказала столик на девять. Подожди здесь, я быстро.

Элис вытянула шею и из коридора обследовала кухню и гостиную. Мебель была, по-видимому, куплена на распродажах домашних вещей — оранжевый секционный диван, старинный кофейный столик и кухонный гарнитур в духе «Семейки Брэди»¹. Белые стены абсолютно голые, если не считать постер с Марлоном Брандо над диваном. И стойкий запах «Уиндекса», как будто Лидия перед самым приездом Элис делала уборку.

Вообще-то, в квартире было слишком уж прибрано. Ни разбросанных по комнате DVD- или CD-дисков, на кофейном столике ни книг, ни журналов, никаких наклеек на холодильнике, ни одного намека на эстетические пристрастия Лидии. В этой квартире мог жить кто угодно. А потом Элис заметила слева у входной двери грудку мужской обуви.

— Расскажи, с кем ты снимаешь квартиру, — попросила она, когда Лидия вернулась из своей комнаты с мобильным телефоном в руке.

— Они на работе.

— А что за работа?

— Один работает за стойкой, второй доставляет еду.

¹ Популярный сериал 1969–1974 годов о семье Майка и Кэрол Брэди. У них шестеро детей, и у каждого — свои проблемы. Полноправным членом семьи является также экономка Элис. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Я думала, они оба актеры.

— Так и есть.

— Понимаю. Напомни, как их зовут?

— Дуг и Малкольм.

Лидия на секунду вспыхнула, когда произнесла имя Малкольма, но Элис заметила. Лидия это поняла и быстро отвела глаза.

— Что мы стоим? В ресторане сказали, что можно прийти пораньше, — сказала она.

— Отлично, только я сначала зайду в ванную.

Намыливая руки, Элис рассматривала то, что стояло на тумбочке рядом с раковиной: лосьон и увлажняющий крем «Неутрогена», мятная зубная паста «Томс оф мэйн», мужской дезодорант, коробка тампонов «Плейтекс». Она задумалась. Все лето у нее не было менструации. А в мае была? В следующем месяце ей исполнится пятьдесят, так что она не слишком волновалась по этому поводу. Приливов пока не наблюдалось, по ночам не бросало в пот, но ведь не все женщины испытывают подобное во время климакса.

Вытирая руки, она заметила рядом со средствами по уходу за волосами, которые явно принадлежали Лидии, упаковку презервативов «Троян». Она решила побольше узнать об этих соседях дочери по квартире. В особенности о Малкольме.